

ицкой летописи (свода 1408 г.). Это устанавливается им, в частности, на основании того, что в летописях, связанных со сводом 1480 г. (Ростовской и Воскресенской), имеются те же описки, которые находились и в Троицкой: так, в описании новгородского пожара 1369 г. в Ростовской и в Воскресенской, согласно с Троицкой (ИГР, V, пр. 137), читаем «по Головине улице» вместо «по половине улице»<sup>1</sup>.

## Комплексность изучения летописных текстов

В изучении летописания отчетливее всего сложился принцип комплексного изучения текста летописи. Принцип этот впервые был сформулирован А. А. Шахматовым. Он выступил против изолированного изучения отдельных, выхваченных из летописи мест (годовых статей, повестей) вне всей летописи в целом и за необходимость изучать каждую летопись в тесной связи со всей историей русского летописания.

А. А. Шахматов постоянно возражал против ограничения исследования обзором состава летописных сводов и требовал их сравнительного изучения с привлечением всего необходимого материала. Он писал, что, «замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение и что единственным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический. Подобно тому как исследование языка не может оставаться на почве одного языка и довольствоваться случайным и несистематическим сравнением фактов этого языка с фактами других языков; подобно тому как это исследование становится научным только после привлечения к систематическому сравнению данных нескольких родственных языков, причем это сравнение прежде всего приводит к восстановлению древнейших эпох в жизни исследуемых языков, а затем и к восстановлению того общего языка, из которого они произошли, — так же точно исследователь литературного памятника должен прежде всего подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того чтобы определить последовательный ход в развитии исследуемого памятника и восстановить тот первоначальный вид, к которому он восходит»<sup>2</sup>.

«Главной задачей исследователя летописных сводов, как вообще всяких литературных памятников, — писал А. А. Шахматов, — должно быть установление взаимной связи между однородными, сходными памятниками,

<sup>1</sup> А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9. С. 155—156.

<sup>2</sup> А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — В кн.: Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 118.

причем эта связь может частью объясняться общим происхождением от других, древнейших памятников, частью же она может зависеть от взаимного друг на друга влияния этих памятников»<sup>1</sup>. Позднее А. А. Шахматов снова писал: «В истории литературы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений. Если следить только за одной из таких цепей, не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения вместо верного представления о действительных явлениях»<sup>2</sup>.

Этот принцип комплексности А. А. Шахматов широко применил к изучению летописных текстов. Каждый текст изучался им в связи с другими текстами, в связи с историей летописания в целом.

В летописи и хронографы могут входить целые произведения, существовавшие до своего включения в них отдельно. Такие произведения, конечно, в известной мере могут изучаться обособленно, однако если эти произведения неизвестны вне летописи и до ее составления, то определять их как особые произведения только по ощущению исследователя отнюдь нельзя. Надо произвести текстологическое обследование всех списков летописи или хронографа, где это произведение имеется; и установить, что оно действительно было составлено отдельно и только затем включено в состав компиляции. Так, например, до последнего времени в некоторых работах по древнерусской литературе летописный рассказ о взятии Москвы Тохтамышем без каких-либо оснований рассматривался как отдельное произведение. Лишь теперь, после текстологического исследования М. А. Салминой, стало ясно, что повесть встречается только в составе летописи<sup>3</sup>.

Могут быть и такого рода случаи, когда выписки из того или иного крупного произведения превращались в особые повести и переписывались отдельно. Так, например, рукописи XVII в. полны отдельными повестями с отметками «выписано из Степенной» или «выписано из Хронографа». Такого рода «бытование» дает некоторое право рассматривать подобные тексты как отдельные произведения (отдельные — только на протяжении последней стадии своего существования), но изучать их в целом отдельно, независимо от степенных или хронографа, права это не дает. Если эти отметки («выписано из Степенной» или «выписано из Хронографа») соответствуют действительности (такого рода отметки могли делаться и «для поднятия авторитета» произведения), то изучение этих произведений должно быть связано с теми крупными историческими памятниками, в недрах которых они родились.

<sup>1</sup> А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». С. 177.

<sup>2</sup> А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбина «Повести о Мамаевом побоище». — В кн.: Отчет о XII присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910. С. 84 (6).

<sup>3</sup> М. А. Салмина. Повесть о нашествии Тохтамыша. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979. С. 134—151.

Анализ отдельных летописных статей допускается только при строгом соблюдении сравнительного изучения всего состава летописи. Так, например, А. А. Шахматов, определивший особый интерес открытой им Ермолинской летописи (название, данное этой летописи А. А. Шахматовым) к известному архитектору и подрядчику В. Д. Ермолину, решился прийти к своему выводу лишь в результате сличения Ермолинской летописи со всеми родственными ей<sup>1</sup>. Определилось, что В. Д. Ермолин упоминается и в других летописях, но только как обновитель церкви Вознесения в 1467 г. (Никоновская, Воскресенская, Русский временник, список Царского Софийской первой летописи, Львовская), тогда как в Ермолинской на протяжении одиннадцати лет о нем говорится девять раз. Весь последующий анализ идейного содержания Ермолинской летописи также строится А. А. Шахматовым на основании материалов, добытых ее сличением с другими летописями.

А. А. Шахматов придавал большое значение этому принципу комплексности в изучении рукописного наследия Древней Руси. Обычно он начинал свои исследования с выяснения положения того или иного произведения в общей истории родственных текстов и только после этого переходил к более узким исследованиям. Он действовал методом «больших скобок», как называл этот метод его последователь и продолжатель М. Д. Приселков. М. Д. Приселков писал: «Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, болеезвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом»<sup>2</sup>.

Этот метод «больших скобок» был совершенно необходим в начале текстологической работы над летописанием. Необходимо было хотя бы приблизительно распределить списки летописей, отнести их к тому или иному этапу летописания для того, чтобы затем можно было начать их сравнительное изучение. Это был необходимый предварительный этап работы, и с этим методом «больших скобок» была, конечно, связана та большая роль, которую занимали всегда в шахматовской системе истории летописания гипотетические построения.

Гипотезы Шахматова всегда имели для него только рабочее значение. Он довольно легко отказывался от них — как только частные исследования летописных текстов их опровергали. Они были необходимы ему как предварительный этап работы над конкретными текстами. С помощью гипотез, которые он всегда стремился сделать наиболее вероятными рядом частных на-

<sup>1</sup> А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — Изв. ОРЯС АН, 1903, т. III, кн. 4. С. 77—79.

<sup>2</sup> М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. С. 13.

блюдений, А. А. Шахматов создавал себе общее представление о всем ходе развития русского летописания, о соотношении отдельных списков, а затем проверял их дополнительными наблюдениями, конкретными текстологическими исследованиями. Гипотезы нужны были А. А. Шахматову для первоначального, чернового распределения списков, без которого невозможно было производить их сличение. Они не только были «рабочими», имели рабочее значение, но были необходимы и чисто технически. В настоящее время, когда работами А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова это предварительное распределение известных в их время списков уже проделано, нет уже той острой необходимости прибегать к методу «больших скобок». Общая схема истории летописания уже создана; она требует поправок, уточнения и развития, но не коренного пересмотра. Поэтому можно считать, что текстологи, занимающиеся летописными списками, после определения принадлежности изучаемых ими списков могут приступить прямо ко второму этапу изучения — к уточнению анализа текста.

В этом, конечно, громадное значение работ А. А. Шахматова и его непосредственных продолжателей для современных исследователей летописания. Последние обязаны оценить то значение, которое имеет метод «больших скобок» в работах А. А. Шахматова и его ранних последователей, но продолжать пользоваться этим методом уже нет необходимости. Изучение истории летописания в значительной мере перешло в настоящее время за эту свою стадию.

Таким образом, принцип комплексности, чрезвычайно важный в текстологической работе и особенно в работе над текстами летописных сводов, может в настоящее время опираться на предшествующие работы по истории летописания и в меньшей мере пользоваться методом «больших скобок», чем это было во времена А. А. Шахматова, но значение самого принципа комплексности не только не уменьшилось, но, напротив, имеет тенденцию ко все большему возрастанию. Принцип этот выходит за пределы изучения летописных текстов и распространяется в настоящее время на многие другие области рукописного наследия Древней Руси — на изучение житийной, повествовательной и учительной литературы и даже на изучение актового материала<sup>1</sup>.

Совершенно неожиданно принцип комплексного изучения текста летописных памятников оказался атакован в начале 1940-х годов С. А. Бугославским. Последний в своем исследовании «Повесть временных лет (списки, редакции, первоначальный текст)» писал: «Мы вправе выделить и анализировать только текст “Повести временных лет” из состава различных сводов, не касаясь истории этих летописных сводов в целом, так как “Повесть временных лет” имела свою самостоятельную историю до продолжения ее новыми подобными записями»<sup>2</sup>. Результаты такого пренебрежения историей русского летописания не могли не отразиться на выводах исследования

<sup>1</sup> См. об этом выше. С. 53 и сл.

<sup>2</sup> Старинная русская повесть. Под редакцией Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941. С. 13.

С. А. Бугославского, крайне упростившего историю текста «Повести временных лет» и оторвавшего эту историю текста от истории общей.

Метод Шахматова получил развитие главным образом в работах его последователя М. Д. Приселкова. М. Д. Приселков развил и продолжил тенденцию Шахматова к историческому подходу к летописанию. Это особенно касается его «Истории русского летописания XI–XV вв.», где создание каждого свода объяснено в тесной связи с исторической обстановкой своего времени. Усиlena в работах М. Д. Приселкова и историко-литературная сторона метода Шахматова, что в значительной степени нейтрализовало дробность наблюдений над текстом, неизбежно проистекающую из приемов подхода к летописи не как к органическому целому, а как к «своду». В работе М. Д. Приселкова «История русского летописания XI–XV вв.» рассеяны многочисленные, по большей части краткие, но очень веские замечания, касающиеся стиля, а иногда и языка тех или иных сводов.

М. Д. Приселков в своих работах по летописанию отступил, однако, от некоторых весьма важных принципов метода Шахматова. Выводы свои М. Д. Приселков обычно строит не на с плохом изучении текста в сех списков, а всегда на немногих отдельных наблюдениях. От этого происходит даже самая разница в объеме работ, обширных у Шахматова и сжатых, энергично насыщенных выводами у М. Д. Приселкова. Однако то, что можно было бы назвать большим объемом сознания Шахматова, постоянное привлечение им всех списков, всего текста, всех фактов для построения выводов, также не забылось. Эта сторона метода Шахматова была подхвачена в исследованиях А. Н. Насонова, выводы которого (хотя бы в отношении псковского летописания) строятся на привлечении всех списков и генеалогические построения которого опять-таки доводятся до всех списков.

## **Примат сознательных изменений текста над ненамеренными — механическими**

Другой принцип, примененный А. А. Шахматовым и его последователями к изучению истории летописных текстов, — это принцип примата сознательных изменений текста над механическими. Исследователь текста во всех случаях должен в первую очередь искать сознательные причины изменения текста и только в случае невозможности более или менее достоверно объяснить изменения текста намерениями переписчиков и передельвателей останавливаться на объяснениях, допускающих простую его порчу. На первый взгляд такое предпочтение сознательного бессознательному может показаться произвольным, но на самом деле этот принцип является строго закономерным во всех случаях, когда мы имеем дело с письменным творчеством вообще и с творчеством летописца в особенности.